

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 165.4

А. В. НЕХАЕВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

«АНТИ-РОРТИ»: ДИСКУРСИВНЫЙ СЮРРЕАЛИЗМ И ПОНЯТИЕ ФАКТА

В статье рассматривается обширный комплекс разнообразных онто-эпистемологических и логико-семантических вопросов, связываемых с понятием факта. Под влиянием работ Ричарда Рорти традиционная философская антиномия реализма/антиреализма все чаще принимает форму противостояния репрезентационизма и антирепрезентационизма. Рортианская риторика, нацеленная на доминирование словарей описания над объектами и солидарности над объективностью, в последнее время становится все более популярной среди исследователей. Предложенная критика текстуализма и лингвистического перспективизма Ричарда Рорти намечает новые направления для развития дискуссий вокруг антиномии реализма/антиреализма.

Ключевые слова: факт, дискурс, конвенция, реализм, антиреализм, репрезентационизм, антирепрезентационизм.

1. Факты или репрезентации? Ни для кого не секрет, что факты всегда были своего рода «ломовыми лошадьми» как для науки, так и для философии, призванными безропотно нести на себе бремя всевозможных (и порой довольно экзотических) онто-эпистемологических и логико-семантических конструкций. Факты как таковые всегда нещадно эксплуатировались исследователями, которые придерживались самых разных идеологий и методологий — и платониками, и эмпириками, и рационалистами, и трансценденталистами, и конструктивистами.

Поэтому бесчисленные попытки самых разных исследователей рассматривать именно понятие факта как краеугольный камень спекулятивного философского анализа не должны вызывать изумление. В конечном счете, именно желание освободить и очистить понимание этих специфических феноменов от всего для них лишнего и чуждого должно также позволить нам прояснить и собственное понимание более широких проблемных контекстов, — например, таких, как природа и границы репрезентации, поскольку нами имплицитно подразумевается,

что область собственно фактуального располагается в том же самом месте, где, по всей вероятности, используемый нами язык тем или иным образом «пристегивается» к миру, или таких, как концептуальные и прагматические основания традиционной антиномии реализма/антиреализма, продолжающей занимать центр внимания многих современных философских дискуссий. Несмотря на то, что со времен «великого скандала в философии», некогда ангажированного Иммануилом Кантом, прошло уже немало времени, эта злополучная антиномия не только не растеряла своей привлекательности, напротив, вокруг нее периодически наблюдается заметное оживление традиционных философских споров¹.

Классическая реалистическая позиция, концептуальное ядро которой было в основных чертах сформировано трудами Рене Декарта и Джона Локка, — очевидна, проста и необыкновенно привлекательна, так что, даже несмотря на постоянно нарастающий шквал критики и скептицизма, она продолжает пользоваться огромной популярностью среди исследователей. Апеллируя к очевидностям здравого смысла, эта позиция полагает окружающие нас объекты и репрезентирующие их факты экстралингвистическими сущностями, которые существуют внешним по отношению к нам образом [ср. с этим: 1, р. 77; 2, с. 427]. Позднее позиция классического реализма была дополнена идеей лингвистического параллелизма между онтологической структурой реальности и логической структурой языка (в немалой степени этому поспособствовали, в частности, логический атомизм Бертрانا Рассела и «изобразительная» теория предложения Людвиг Витгенштейна), которая предполагала, что для того чтобы некоторое предложение нашего языка утверждало конкретный факт, т.е. служило целям репрезентации, это предложение должно иметь логическую структуру конгруэнтную онтологической структуре факта.

Концептуальным антиподом этой симпатизирующей здравому смыслу и очевидностям нашего повседневного мира реалистической позиции является позиция, которую условно и не без доли иронии можно было бы назвать дискурсивным сюрреализмом и напрямую связать с текстуалистской теорией Ричарда Рорти. Не трудно заметить, что Ричард Рорти и его наиболее радикальные сторонники последовательно выступают против наиболее одиозных разновидностей реализма (наивного реализма, метафизического реализма, научного реализма и др.), предлагая нам окончательно распрощаться с дискредитировавшим себя «Мифом о Данном» (*The Myth of the Given*) — иллюзией того, что за миром дискурса располагается мир надежных фактов и стабильных физических объектов, который в конечном счете и гарантирует смысл любому нашему использованию языка [3, р. 5–6, 12; 4, р. 22; 5, с. 25; 6, с. 134–142; 7, р. 101; 8, р. 124–125]. Очарованные дискурсом и его могуществом сюрреалистично настроенные рортианцы рекомендуют нам отбросить идею о привилегированном доступе к реальности [3, р. 6–8], о любой возможности редукции наших описаний к окончательному и привилегированному словарю [4, р. 23; 5, с. 26–27, 29, 32–33, 104–109; 6, с. 128], отказывая в легитимности любым нашим попыткам вести разговор о тех способах, с помощью которых наши слова «соответствуют»/«не соответствуют» этой самой реальности [3, р. 5–6]. В этом смысле любое фактуальное соответствие предложений нашего языка реальности как таковое оказывается лишь неоправданно высоким когнитивным авансом для тех предложений,

которые, исходя из чисто прагматических соображений (отчасти фиксируемых, если пользоваться терминологией самих рортианцев, так называемыми «пресуппозициями»), помогают нам «справляться» с реальностью². И хотя желание многих современных исследователей соответствовать рортианскому пафосу при обсуждении антиномий реализма/антиреализма выглядит довольно соблазнительным, следствия такого рода позиции не могут не вызвать некоторого рода замешательства, связанного с их в целом довольно провокативным характером: например, призывом отказаться от якобы целиком и полностью дискредитированной идеи «репрезентации» — отображения языком некой внешней экстралингвистической реальности (*language-independent determinate reality*), — призывом, по сути означающим, что мир состоит лишь из элементов языкового опыта и не из чего более³.

Атаки на так называемый «Миф о Данном» (равно как и прочие догмы эмпиризма) имеют довольно внушительную историю — от Иммануила Канта и Анри Бергсона до Уилфрида Селларса, Уилларда Куайна, Нельсона Гудмена и Дональда Дэвидсона. Поэтому не удивительно, что многие исследователи в общем и целом принимают и разделяют критические и скептические аргументы, направленные против возможности иметь дело с фактами так, как если бы мы обнаруживали, находили или открывали их независимо от некоторой принятой нами концептуальной схемы, лежащей в основаниях и придающей целостность и осмысленность дискурсам, выстраиваемым в отношении мира или его отдельного интересующего нас фрагмента⁴. В этом отношении действительно трудно (если вообще возможно) игнорировать дискурсивное измерение языка при обсуждении любых проблемных контекстов, связанных с традиционной антиномией реализма/антиреализма. Однако же та избыточная мера рортианского сюрреализма, которая проповедуется многими современными исследователями, напротив, подстегивает желание вступить с ними в полемику, или, по крайней мере, сослаться на иронический парафраз известного высказывания Норвуда Хэнсона о том, что факты всегда теоретически нагружены (*theory-laden*) [например, см.: 9, р. 19; также см.: 10, р. 5], воскликнув: так-то оно так, но все же стоит надеяться, что факты конвенционально нагружены ровно настолько же, насколько, смеем надеяться, фактуально нагружены сами конвенции! Полагая тем самым для себя более обоснованным придерживаться верования в циклическую взаимозависимость наблюдений и дискурсов, а не надеяться на силу и могущество одного только интерпретативного разума. Поэтому, принимая во внимание позицию современных сторонников дискурсивного сюрреализма Ричарда Рорти, хотелось бы сразу обозначить ряд замечаний и вопросов полемического характера, каждый из которых представляет собой определенного рода препятствие рортианским соблазнам обращаться с фактами исключительно лишь как с дискурсивно фабрикуемыми конструкциями, имеющими своим предназначением одну только инструментальную функцию: помогать нам тем или иным образом обращаться с окружающим нас миром.

2. Факты или объекты? Последовательный рортианец обычно признается в симпатиях традиционному и интуитивно разделяемому многими исследователями тезису о том, что факт, являясь дискурсивно отстраиваемой репрезентацией объекта, есть на деле не что иное, как языковой инвариант рас-

смаатриваемого нами объекта. Имплицитно этот тезис содержит в себе знакомые и хорошо узнаваемые черты популярной скептической идеи лингвистического перспективизма, которая ставит в зависимость фактуальное содержание наших знаний об объекте от выбранного нами словаря описания⁵. В наиболее рафинированном виде подобного рода позиция готова полностью отказаться от того, чтобы мы проблематизировали сам объект, подлежащий рассмотрению, смещая наше внимание в область самих словарей, которые мы намереваемся использовать при описании этого объекта (в частности, самым популярным аналогом такого рода позиции может служить так называемый «нейтральный монизм», или «дуализм свойств»).

Преимущества такой позиции вполне очевидны: она позволяет довольно успешно редуцировать все интересующие нас вопросы о фактах либо к области логико-семантических проблем (например, стоит вспомнить о нашумевшем в свое время споре о протокольных предложениях — Protokollsatz-Streit [11]), либо к области лингво-прагматических проблем (например, к дискуссиям о практических преимуществах тех или иных словарей описания [12]). Однако безобидное, на первый взгляд, желание строго придерживаться подобного рода позиции при изучении природы факта и фактуального знания может натолкнуться на довольно неожиданное и вместе с тем очень сильное возражение со стороны тех исследователей, которые симпатизируют более жестким разновидностям реализма. Суть этого возражения заключается в следующем: рассматривая факт как дискурсивно выстраиваемую репрезентацию объекта (или, пользуясь терминологией современных рортианцев, «дискурсивный инвариант объекта»), мы de facto теряем из виду сам этот объект. Границы факта, совпадая по умолчанию с границами рассматриваемого нами объекта, не являются для нас чем-то, что мы вообще в принципе склонны подвергать какому-либо пересмотру, поскольку все наши споры протекают или должны протекать лишь в области используемых нами словарей описания⁶.

Однако сами по себе границы объекта являются отдельной серьезной проблемой. Ведь вполне очевидно, что для того, чтобы выбрать «подходящий» (если для концепций рортианского толка вообще допустимо так выражаться) словарь описания, необходимо выделить сам объект, дискурсивным инвариантом которого станет выстраиваемый/фабрикуемый нами в некотором языке описания факт. Именно здесь и кроются основные трудности, которые условно можно разделить на две группы: во-первых, трудности с чем-то, что нам налично дано (the Given), возникающие при необходимости проведения непосредственных границ объекта или объектов внутри этого «Данного», и, во-вторых — трудности, связанные с осмысленным фактуальным высказыванием при актуальном отсутствии объекта или объектов, о которых мы, тем не менее, высказываемся.

Первая группа затруднений, имплицитным образом связана с наиболее жесткими (если не сказать, откровенно «жестокими») версиями реализма наподобие модального реализма Дэвида Льюиса [13], ключевой особенностью которого является даже не столько признание реального существования множества возможных миров, сколько трактовка каждого возможного мира в качестве мереологической суммы частей любого другого возможного мира и, прежде всего, того, который мы принимаем как актуальный⁷. В мирах Дэвида Льюиса открыто разделяемое рорти-

анцами положение о том, что факт есть дискурсивный инвариант объекта, т.е. факт хотя и может меняться вследствие реинтерпретации (редескрипции), скажем, из-за смены словаря описания или прагматической пресуппозиции субъекта, тем не менее, в общем и целом он достаточно стабилен, по крайней мере, в том, что касается непосредственных границ объекта, поскольку имплицитно подразумевается, что границы высказываемого факта и границы рассматриваемого объекта тождественны, сталкивается с вполне очевидной проблемой — невозможностью однозначного установления границ объекта, о котором высказывается некий факт и, как следствие, невозможностью в дальнейшем каким-либо образом осмысленно реинтерпретировать (переописывать) этот факт так, чтобы актуально не возникла угроза того, что реинтерпретированный (переописанный) нами факт имеет отношение к тому же самому объекту, что и прежний.

Удобной и удачной иллюстрацией подобного рода затруднений служит пример, который можно встретить в работах Хилари Патнэма [14, р. 308], суть которого сводится к тому, что если мы представим себе, что перед нами на столе расположены ручка, настольная лампа, тетрадь и книга, то вполне уместным окажется простой с виду вопрос «Сколько всего объектов мы имеем?», ответ на который однако же оказывается не столь предсказуем, как нам бы того хотелось. Позиция, занимаемая здесь рортианцем, предполагает, что наш ответ должен быть результатом простой калькуляции, где любая из принадлежащих тому или иному объекту составных частей будет рассматриваться как его собственная часть, не принадлежащая никакому другому объекту. Или, говоря проще, в наиболее типичном случае мы будем готовы принять существование пяти объектов {стола $\{x_1\}$, ручки $\{x_2\}$, настольной лампы $\{x_3\}$, тетради $\{x_4\}$ и книги $\{x_5\}$ }, в отношении каждого из которых мы способны дать некоторое описание, которое в дальнейшем хотя и может быть реинтерпретировано (переописано) в ином словаре (например, описываемая нами ручка $\{x_1\}$ окажется не зеленой, а, скажем, желтой или голубой), но, тем не менее, границы которого в общем и целом будут совпадать с границами исходного факта. Взгляд с позиций рортианского лингвистического перспективизма, однако же, резко контрастирует с взглядом льюисовского модального перспективизма, согласно которому в предложенном нами примере объектов окажется отнюдь не пять, а тридцать один («стол» $\{x_1\}$, «ручка» $\{x_2\}$, «ручка-лампа» $\{x_2 \oplus x_3\}$, «стол-ручка-лампа-тетрадь» $\{x_1 \oplus x_2 \oplus x_3 \oplus x_4\}$ и т.д.), поскольку к стандартному набору объектов дополнительно принимается существование всего множества их мереологических сумм, каждая из которых рассматривается в качестве отдельного объекта. В этих обстоятельствах осмысленная реинтерпретация (переописание) исходного факта (выраженного, например, в предложении «ручка — зеленая») окажется довольно проблематичной и связанной не столько с новыми словарями описания, сколько с тем, что в рамках реинтерпретируемого (переописываемого) факта будет приниматься за описываемый объект. Ведь в случае с таким объектом, скажем, как «ручка-тетрадь» $\{x_2 \oplus x_4\}$ (т.е. объектом чем-то похожим на «изумрудины» Нельсона Гудмена), где одна часть объекта «ручка» является зеленой, а другая $\oplus$ «тетрадь» $\oplus$ голубой, для рортианца окажется довольно затруднительным ответить на вопрос о том, можем ли мы считать фактуальное высказывание о зелузости или голузости

этого объекта, лишь простым примером смены прежнего словаря описания, или все-таки проблема не в словарях, а в самих объектах?

Из приведенного выше примера Хилари Патнэма становится очевидным, что проблема факта и его интерпретации не может быть редуцирована только лишь к группе логико-семантических вопросов о словарях описания, или даже к лингво-прагматическим вопросам о принимаемой нами пресуппозиции в отношении мира — отдельно следует подчеркнуть, что в модальном реализме вопрос о мереологических суммах не является вопросом о перспективе в отношении членения мира на объекты, поскольку все мереологические суммы даны налично и признаются существующими одновременно. Иными словами, вопрос здесь даже не в том, что мы готовы допустить множество перспектив в отношении видимого нами (стола $\{x_1\}$, ручки $\{x_2\}$, настольной лампы $\{x_3\}$, тетради $\{x_4\}$ и книги $\{x_5\}$), а скорее в том, что даже чисто формально в нашем распоряжении нет простой возможности прийти к согласию в отношении фактов. Разумеется, интуитивно понятной, приемлемой и, можно сказать, эпистемически «выгодной» является точка зрения, устанавливающая однозначную коррелятивность имеющихся в нашем распоряжении объектов тем фактам, которые мы готовы в их отношении принять (в самом простом формальном виде это значит не что иное, как тождество числа объектов числу имеющихся о них фактов), в то время как кажущаяся нам контринтуитивной и эпистемически неудобной позиция модального реализма склоняет нас к тому, что сама по себе проблема фактов и их интерпретаций на деле намного глубже, чем это могло бы показаться рортианцу на первый взгляд. А это значит, что если мы готовы признать, что проблема границ факта во многом подобна проблеме границ мереологических сумм, то понятие факта оказывается не менее референциально и семантически растяжимо, чем само понятие объекта. В этом смысле рортианский пафос, явно или неявно склоняющий нас к мнению о том, что «факты» принимаемые за лингвистические реальности не могут быть натурализованы, может быть поставлен под сомнение. Объекты вполне способны возражать тому, что о них сказано (или, как говорил Бруно Латур, в случае чего «давать нам сдачи» [15, с. 348—349; ср. с этим: 16]). Уникальная достаточность объектов и то, что они чаще всего противятся своей замене чем-то другим, означает для нас также и признание в том, что проблему факта нельзя свести только к проблеме интерпретации, скорее, напротив, необходимо рассматривать этот вопрос в контексте более широкой проблемы — проблемы соотношения границ семантики и онтологии, осознавая, что в некоторых случаях (а возможно, что и во всех) онтология должна стоять прежде семантики, отменяя тем самым легитимность рортианского приоритета собственно лингвистических категорий над онтологическими.

Вторая группа затруднений тесно связана с трудностями применения идеи о том, что факты есть дискурсивные инварианты объекта, к тем ситуациям, когда мы имеем осмысленное фактуальное высказывание без непосредственно репрезентируемого объекта. Возможность репрезентации без объекта, т.е. осмысленного фактуального высказывания в таких обстоятельствах, ставит под сомнение желание рортианца рассматривать факты в качестве простых дискурсивно выраженных инвариантов объекта (например, мое высказывание о том, что «в этой комна-

те нет слона», является истинным и осмысленным, вопреки тому, что в этой комнате якобы имеется такого рода объект, как «отсутствие слона»). Отвлекаясь от проблем связанных с трактовкой понятия истинности как условий утверждаемости некоторого предложения, а также от всех тех проблем, что мы имеем с классическим пониманием истинности как соответствия высказанного нами предложения некоторому (единственному в своем роде) объекту внешней реальности, обозначенному при помощи этого предложения⁸, стоит заметить, что осмысленное использование подобного рода предложений («в этой комнате нет слона») не обязательно будет склонять нас в сторону принятия позиции лингвистического перспективизма рортианского толка.

В целях иллюстрации здесь удобно воспользоваться одной простой аллегорией, которая возникает при знакомстве с позициями Ричарда Рорти и его сторонников в отношении «давления», которое на мир оказывает дискурс. Действительно, актуальное присутствие подобного рода «давления» бессмысленно отрицать, поскольку аргументация рортианцев строится как некий своеобразный философский комментарий к широко известным экспериментам с тестами Струпа (тесты, в которых испытуемым демонстрируют слова «красный», «зеленый» и т.д., окрашенные в цвета, совпадающие или несовпадающие с тем цветом, который обозначает демонстрируемое испытуемому слово). Однако то обстоятельство, что испытуемые в среднем тратили больше времени на прохождение этих тестов, если демонстрируемые им слова не были окрашены в те цвета, которые мы с помощью этих слов обозначаем, не является безусловным свидетельством в пользу того, что способы существования объектов внешнего мира напрямую зависят от способов дискурсивного представления мира. Скорее, напротив, необходимая нам мера реализма в отношении объектов склоняет к тому, чтобы принимать во внимание не только семантические свойства языка описания, но и те свойства, которыми, вероятно, обладают сами объекты (реляционные, функциональные и др.), репрезентируемые при помощи того, что мы привычно называем «фактами». В противном случае любое осмысленное использование предложений вроде «в этой комнате нет слона» окажется под угрозой.

Кроме того, актуально неисчислимо множество возможных истинных условных контрафактических высказываний вносит в вопросы анализа и интерпретации фактов особую пикантность. Проблема с отсутствующими объектами вроде слона в этой комнате действительно влечет за собой новые вопросы. Ведь предложение «в этой комнате нет слона», истинность которого мне очевидна (хотя в этой комнате и нет такого объекта, как «отсутствие слона») позволяет строить достаточно обширный класс условных контрафактических высказываний (например, «если бы в этой комнате был слон, то я бы увидел его невооруженным глазом»), истинность которых для меня будет столь же очевидна, как и истинность исходного высказывания. В этом отношении не трудно заметить, что «факты», принимаемые последовательным рортианцем как некие дискурсивные инварианты объекта, производные от некой принятой нами в отношении мира пресуппозиции и выбранного для его описания словаря, по своим свойствам во многом напоминают такие референциально непрозрачные объекты, как знаменитые «кролики-гавагаи» Уилларда Куайна. Однако же

мы привыкли к тому, что факты — это нечто намного более «жесткое» и «упрямое», чем обычное условное контрафактическое высказывание. Позиция рортианцев, к сожалению, оставляет без должного детального анализа вопросы переводимости или механизмы транзакции фактуальных высказываний из одних словарей в другие, принимая зачастую форму тезиса о «несоизмеримости» (incommensurability thesis) словарей, принадлежащих различным социальным общностям и историко-культурным эпохам⁹. Рортианец просто-напросто принимает в качестве очевидной идею о том, что любые «переводы» или транзакции подобного рода должны сопровождаться реинтерпретацией (переописанием, или редискрипцией) исходного факта. Поэтому, принимая во внимание связанные с контрафактическими высказываниями проблемные контексты, стоит задаться любопытным вопросом: а столь уж необходимым является эта реинтерпретация?

При рассмотрении коллизий, возникающих в отношениях между фактуальными и контрафактическими высказываниями, складывается впечатление, что транзакции фактуального содержания одного дискурса/словаря в другой вполне возможны и без реинтерпретации (разумеется, если под реинтерпретацией понимать прежде всего смену значений используемых в наших описаниях слов), — но возможны при помощи одного довольно примечательного с виду способа: фактуальные высказывания одного дискурса/словаря без потери своего истинностного значения могут быть перенесены в некий другой дискурс/словарь, но так, что эти исходные фактуальные высказывания дискурса-донора просто-напросто становятся контрафактическими высказываниями дискурса-реципиента. Скажем, некоторое фактуальное высказывание «этот изумруд — зеленый» дискурса-донора (словарь которого оперирует привычными нам предикатами вроде «зеленый» и «голубой» при описании цветов, в которые окрашены изумруды и небо) при транзакции его в дискурс-реципиент (словарь которого наряду с привычными нам предикатами оперирует также гудменовскими предикатами «зелубой» и «голузёлый») приобрело бы форму условного контрафактического высказывания «если бы этот изумруд был зелёным (подразумевая, что на самом деле этот изумруд зелубой, где сам предикат «зелубой» применялся бы к зелёным объектам до момента времени t , а также к любым другим голубым объектам, наподобие неба), то он имел бы зелёный цвет после момента времени t и голубой до него». Согласие с этим означает, что имело бы смысл поинтересоваться у последовательного рортианца, принимает ли он возможность того, что фактуальное предложение одного дискурса/словаря без каких-либо реинтерпретаций способно отображаться в качестве контрафактического предложения в любом другом дискурсе/словаре. Иными словами, стоит ли признать, что класс всех возможных осмысленных фактуальных высказываний одного словаря без каких-либо реинтерпретаций входит в класс истинных контрафактических высказываний любого другого словаря?

3. Факты или конвенции? Другая линия для критических атак на дискурсивный сюрреализм, вдохновляемый трудами Ричарда Рорти, заключается в явном или неявном желании рортианцев проводить границу и устанавливать отношения между фактуальным и конвенциональным так, чтобы фактуальные элементы дискурса демонстрировали свою под-

чиненность, зависимость, или, по крайней мере, чувствительность, к собственно конвенциональным элементам дискурса. При попытке определить отношения между фактуальными и конвенциональными элементами дискурса мы можем осмысленно придерживаться следующих положений: <1> различие в отношении конвенций может быть различно в отношении фактов, <2> различие в отношении фактов может быть различно в отношении конвенций, <3> тождество (разумеется, не в нумерическом смысле, а лишь в смысле неразличимости) в отношении конвенций может быть тождественно в отношении фактов, <4> тождество в отношении фактов может быть тождественно в отношении конвенций, <5> тождество в отношении фактов может быть различно в отношении конвенций, <6> тождество в отношении конвенций может быть различно в отношении фактов, <7> различное в отношении конвенций может быть тождественно в отношении фактов, <8> различное в отношении фактов может быть тождественно в отношении конвенций.

Вполне очевидно, что все эти положения не могут являться частями одной и той же альтернативы. Позиция рортианца при определении характера отношений между фактуальными и конвенциональными элементами дискурса заключается в полном согласии с положениями <1>, <3> и <4>, и готовности при определенных оговорках допустить возможность <2>, <5> и <7>, но вместе с тем абсолютной недопустимости положений <6> и <8>. Иными словами, последовательный рортианец считает интуитивно верными представления о том, что одинаковые конвенции говорящих влекут за собой их согласие в фактах, в то время как различия в конвенциях этих говорящих рано или поздно повлекут за собой разногласия в фактах, полагая вместе с тем актуально возможным существование языков Куй-ана-Дэвидсона¹⁰, которые хотя и имеют конвенциональные различия, но в некоторый момент времени фактуально тождественны в отношении высказанного, различаясь, однако же, в отношении пока еще не высказанного, и даже допуская актуальную возможность языков Гудмена¹¹, которые в силу использования их носителями специфических предикатов (наподобие «зелубой» и «голузёлый») могут в некоторый момент времени содержать в себе случайное фактуальное согласие (например, два языка, в которых изменение «цветности» предикатов идентично по своему характеру, но при этом в одном из этих языков подобное изменение идет с некоторым временным опозданием в отношении другого). Вместе с тем последовательный рортианец считает контринтуитивным и абсолютно недопустимым предположение о том, что наше знание о конвенциональном тождестве используемых говорящими языков может, тем не менее, повлечь за собой фактуальные различия (по-видимому, если он и готов принять актуальную возможность этого, то объяснение, с его стороны, скорее всего примет форму указания на некий непредвиденный сбой в технике применения языка). Однако же интуитивная приемлемость наших представлений о том, что различные конвенции должны повлечь за собой фактуальные разногласия, равно как и то, что фактуальное согласие скорее всего свидетельствует нам о конвенциональном тождестве используемых говорящими языков, не может быть единственным и тем более универсальным аргументом против актуальной возможности языков, допускающих в качестве альтернативы допустимость положений <6> и <8>.

Для иллюстрации такой возможности предлагается вообразить следующие обстоятельства: предположим, мы имеем два прежде незнакомых с чувством боли человека — мистера X и мистера Y, которым в специфических интересах некоторого медицинского эксперимента дается как руководство такая конвенция: «говори "Ой", когда тебе больно». На вопрос испытуемых: «Что значит, "когда больно"?», — мы могли бы, конечно, ответить: «Ну как тебе сказать, поверь, ты сам это поймешь...! Что значит больно?! Больно — это когда тебе, например, молотком со всех сил ударят по пальцам рук... Вот это — больно!». Теперь представим себе, что мистер X, в отличие от мистера Y, имеет врожденные особенности физиологического строения, скажем, страдает чем-то вроде анти-синдрома Аспергера (т.е. не имеет никаких тактильных ощущений вовсе, какого бы рода они ни были, хотя и сохраняет при этом чувство проприоцепции). После такого неподходящего инструктажа «подопытных» наш врач-экспериментатор берется за дело и ставит следующий, довольно простенький эксперимент: не мудрствуя лукаво (а может, и вполне намеренно), он просто сильно бьет молотком наших «подопытных» по пальцам рук, ожидаемо получая их словесные отчеты в виде фразы «Ой!».

На первый взгляд, все нами увиденное вполне укладывается в систему интуиций последовательного рортианца: мы имеем тождественные конвенции и предсказуемо получаем фактуальное согласие наших «подопытных». Поэтому, чтобы сделать рассматриваемую ситуацию очевидно затруднительной для него, предположим, что, помимо нашей планеты, где некий врач-экспериментатор любит бить незнакомых людей молотком по пальцам рук, есть такая же планета — планета-двойник, на которой живут такие же люди, как и на нашей планете, и там так же, как и здесь, есть такой же врач-экспериментатор и такие же «подопытные», с теми же самыми физиологическими особенностями. Единственное отличие заключается в том, что тамошний врач-экспериментатор любит не просто сильно бить людей молотком по пальцам рук, но и любит при этом завязывать им глаза, справедливо полагая, что наблюдать за реакцией на неожиданный удар намного интереснее, чем на очевидный и предсказуемый для самих «подопытных». Возвращаясь же теперь к словесным отчетам, которые дадут мистер X и мистер Y (а точнее, их полные физические копии) на той планете-двойнике, мы вправе предположить, что, несмотря на тождество конвенций, принятых «подопытными», фактуального согласия между ними нам вряд ли удастся добиться, поскольку оно окажется возможным и вероятным только и если только «подопытный» с анти-синдромом Аспергера — мистер X — видит момент нанесения удара молотком по его пальцам рук, ведь в противном случае он ничего не почувствует, а значит, даже, имея ту же конвенцию, что и мистер Y, не будет демонстрировать фактуального согласия с последним.

Предложенная нами иллюстрация для положений <6> и <8>, которые последовательный рортианец сочтет контринтуитивными и абсолютно неприемлемыми, вполне способна, как кажется, служить серьезным контраргументом намерению дискурсивного сюрреализма поставить-таки фактуальные элементы дискурса в довольно жесткие зависимые условия от конвенциональных элементов, поскольку (как бы странно это ни прозвучало) похоже, что концептуальные схемы врачей и садистов намного

сильнее укоренены в самой внелингвистической реальности (чем бы она на деле ни оказалась) аналогичных концептуальных схем пациентов и мазохистов¹². В этих обстоятельствах велик соблазн поставить перед сторонниками Ричарда Рорти очередные неразрешимые, как кажется, для них вопросы: как фактуальные элементы дискурса, если мы допускаем их зависимость от конвенций, встраивается/согласуется собственно с самой феноменологией нашего восприятия, а также — каким образом согласуются принимаемые нами конвенции с феноменальными элементами нашего опыта?

4. Ирония и солидарность или здравый смысл и объективность? Итак, мы видим, что провокационные призывы Ричарда Рорти «покончить с представлением о языках как репрезентациях... <...> ... порвать с традиционным языком "почитания факта" и "объективности"»...» [5, с. 44] сталкиваются с серьезными концептуальными препятствиями¹³. Простая риторическая замена старых словарей на новые, в которых объективность уступает место солидарности, а здравый смысл — иронии, никак не помогает устранить эти препятствия. Здравый смысл, по-видимому, не изменяет нам, когда свидетельствует в пользу того, что сами объекты способны вполне успешно сопротивляться описаниям. Рортианское стремление к солидарности, основанное на желаниях развенчать идолы-фактов в пользу новых фетишей-конвенций (желаниях достичь максимально широкой по своему охвату этноцентристской конвенции [ср. с этим: 4, р. 23]), встречает предсказуемое сопротивление со стороны объектов, поскольку объективность как таковая связана не столько с наивностью в обращении с фактами, сколько с реальным присутствием самих объектов — с тем, что «они "способны"... *возражать*... тому, что о них сказано...» [15, с. 351]. Тождество в конвенциях не влечет и не гарантирует нам тождества в фактах, поскольку всякое наше утверждение о мире оказывается одновременно и фактуально, и конвенционально нагруженным. Фактуальная составляющая дискурса в любом случае вынуждает нас говорить о чем-то вполне определенном, пусть даже его конвенциональная составляющая и позволяет это делать самыми разными способами.

Рортианский сюрреализм, основанный на убеждениях в реальности одних только дискурсов, не репрезентирующих для нас ничего, кроме свойств используемых нами языков описания, и апеллирующий к достоверности как простой солидарности членов лингвистического сообщества, при ближайшем рассмотрении демонстрирует свою неспособность опрокинуть верования в реальность объектов. Ведь, в конце концов, для того, чтобы быть подлинным реалистом, не обязательно оставаться наивным человеком в отношении мира и истины, для этого вполне достаточно стать обычным ироником, к чему нас, собственно, постоянно и призывал сам Ричард Рорти¹⁴.

Примечания

¹ Не составляет большого труда напомнить здесь о «ловкости» рук Джорджа Эдварда Мура, демонстрируемой им при доказательстве существования внешнего мира в конце 1930-х [17, с. 81–84], или о более свежем примере — жалобах Майкла Дэвитта на то, что даже в конце 1990-х философам по-прежнему приходится тратить массу времени на то, чтобы обосновывать столь банальное и очевидное каждому существование привычного для нас окружающего мира [18, р. vii].

² Ричард Рорти, в частности, саркастически замечает, что «... понятие "точной репрезентации" является автоматическим и пустым комплиментом, отпускаемым тем верам, которые помогают нам делать то, что мы хотим» [6, с. 8; ср. с этим: 4, р. 24], подчеркивая при этом, что «антирепрезентационизм... рассматривает знание не как вопрос корректного отражения реальности (getting reality right), а скорее, как вопрос приобретения навыков действия для того, чтобы справиться с реальностью» [3, р. 1; ср. с этим: 5, с. 36].

³ Ричард Рорти со свойственной ему смелостью рисует нам «образ мира, который состоит из всего, записанного в когда-либо использовавшихся словарях» [19, р. 154], поскольку именно сам словарь и есть то орудие, посредством которого создается «... нечто такое, что не могло появиться до тех пор, пока не развился определенный набор описаний, производству которых он способствует» [5, с. 34].

⁴ Нельсон Гудмен в свое время заметил, что апелляция к различению фабрикация/обнаружение при попытке провести границу между фикцией и фактом — это довольно уязвимое для критики занятие [20, с. 206].

⁵ В отличие от своих наиболее ярких поклонников, Ричард Рорти всячески пытается предостеречь нас от предсказуемых ультраскептических последствий использования идеи лингвистического перспективизма, подчеркивая, в частности, что заманчивое антиреалистское предположение о существовании «... некоторой мощной нематериальной силы, называемой "умом", или "языком", или "социальной практикой", — силы, которая формирует факты из неопределенной вязкой жижи (goo), конструирует реальность из чего-то, что еще неопределенно настолько, чтобы считать это реальным» [3, р. 5], вполне может поставить нас в тупик, а стало быть, задача антирепрезентационистов «... как раз и заключается в том, чтобы найти способ изложить свою точку зрения, которая не несет такого предложения» [3, р. 5].

⁶ Некогда популярный методологический принцип Рудольфа Карнапа, например, гласит, что принять реальность объекта — значит принять некоторое предложение в языке, в котором описывается данный объект [21, р. 45].

⁷ Мало кем упоминаемый тезис Нельсона Гудмена, в частности, также гласит, что «...все возможные миры заключены в одном реальном мире» [22, с. 59].

⁸ Классическое понимание истинности как соответствия высказанного нами предложения некоторому (единственному в своем роде) объекту внешней реальности обычно опирается на денотативную теорию значения, согласно которой всё, обозначаемое некоторым именем, должно в некотором смысле существовать, если и не как вещь, то хотя бы как понятие. Подобная трактовка имен объектов как онтологически нагруженных языковых выражений наталкивается, однако, на непреодолимое логическое затруднение, связанное с невозможностью каким-либо осмысленным образом отрицать существование чего-либо, поскольку любая такая попытка на деле окажется самопротиворечивой (например, в истинном и вполне осмысленном предложении «русалок не существует», согласно денотативной теории значения, утверждается не что иное, как существование объектов (русалок), для которых верно, что они не существуют).

⁹ Ричард Рорти придерживался более осторожной позиции в этом вопросе, с одной стороны, настаивая на неустранимости этноцентризма, он вместе с тем отмечал, что наши культуры, в отличие от геометрий, не содержат в себе аксиоматических структур, и могут в силу этого допускать возможность коммуникации [4, р. 26].

¹⁰ Формула таких языков лаконично выражена в следующих словах Дональда Дэвидсона: «... возможно бесконечное число различных языков, согласующихся со всеми реальными высказываниями человека, но отличающихся относительно невысказанных предложений...» [23, р. 257].

¹¹ Формула этих языков заключается в возможности использования предикатов, каждый из которых имеет некоторую

область действия на определенный срок (например, таких предикатов, как «зелубой», который приписывается всем зеленым объектам до момента времени t , и любым другим объектам, если они являются голубыми [22, с. 73]).

¹² Любопытно заметить здесь также, что сам Ричард Рорти делает в этой связи ряд довольно многозначительных оговорок, в частности, заявляя о том, что «...нелингвистическая способность чувствовать боль важнее, чем различия в словарях» [5, с. 122], или, выражаясь еще более определенно, «...боль — не лингвистична...» [5, с. 129].

¹³ Многочисленные критики Ричарда Рорти [например, см.: 24 — 27], к сожалению, тратят основные усилия на дискредитацию предложенных им трактовок прагматизма. Предложенная же здесь критика идет намного дальше привычных споров о корректности толкований ключевых принципов прагматизма, поскольку все высказанные замечания заслуживают внимания сами по себе. Подлинные трудности дискурсивного сюрреализма абсолютно индифферентны по отношению к тому, что же действительно имели в виду такие классики американского прагматизма, как Чарльз Пирс, Уильям Джемс или Джон Дьюи.

¹⁴ Любовь Ричарда Рорти к языку, метафорам и риторическим тропам (познание для него, в конечном счете, есть ведь не более чем история полезных метафор [5, с. 30; также см.: 28; 29] и вкупе с его ненавистью к экстралингвистической реальности, как кажется, играют с ним очень злую шутку, поскольку употребляемые совместные термины «ирония» и «реализм» (в виде ли фразы «иронический реализм», или же фразы «реалистическая ирония») неизменно содержат в себе известную долю тавтологии. Эта тавтологичность становится тем заметнее, чем дольше и пристальнее мы позволяем себе всматриваться в корни подлинно иронического отношения к миру. Канадский филолог и литературовед Нортроп Фрай, разбирая в своей знаменитой *Anatomy of Criticism* эти самые корни, как-то отметил, что «ирония... берет начало в пределах реализма и бесстрастного наблюдения» [30, р. 42]. В этом смысле нам становится вполне очевидным, что сама по себе ироничность оказывается в высшей степени избыточной по отношению к подлинному реализму, а сами ярлыки «иронический реализм» и «реалистическая ирония» — безнадёжным образом тавтологичными.

Библиографический список

1. Hirst R. Realism // The Encyclopedia of Philosophy / P. Edwards (ed.). NY: Macmillan, 1967. P. 76 — 83.
2. Доброхотов А. Л. Реализм // Новая философская энциклопедия. В 4 т. / ред. В. С. Степин. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 427 — 428.
3. Rorty R. Introduction: Antirepresentationalism, Ethnocentrism, and Liberalism // Philosophical Papers. Vol. 1. Objectivity, Relativism, and Truth. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 1 — 17.
4. Rorty R. Solidarity or Objectivity? // Philosophical Papers. Vol. 1. Objectivity, Relativism, and Truth. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 21 — 34.
5. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с. ISBN 5-7333-0494-4.
6. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: НГУ, 1997. 320 с. ISBN 5-7615-0404-9.
7. Rorty R. Daniel Dennett on Intrinsicity // Philosophical Papers. Vol. 3. Truth and Progress. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 98 — 121.
8. Rorty R. Robert Brandom on Social Practices and Representation // Philosophical Papers. Vol. 3. Truth and Progress. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 122 — 137.
9. Hanson N. R. Patterns of Discovery: An Inquiry into the Conceptual Foundations of Science. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 256 p.

10. Hanson N. R. *Observation and Explanation: A Guide to Philosophy of Science*. NY: Harper & Row, 1971. 84 p.
11. Нехаев А. В. Protokollsatz-Streit: феноменализм, физикализм и конвенционализм // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 10. С. 16–23.
12. Goodman N. *Languages of Art: An Approach to a Theory of Symbols*. Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company, 1968. 278 p.
13. Lewis D. *On the Plurality of Worlds*. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 276 p.
14. Putnam H. *The Question of Realism* // Words and Life / J. Conant (ed.). Cambridge MA: Harvard University Press, 1994. P. 295–312.
15. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: сб. ст. / ред. В. Вахштайн. М.: Территория будущего, 2006. С. 342–362.
16. Putnam H. *The Antinomy of Realism* // The Threefold Cord: Mind, Body, and World. NY: Columbia University Press, 1999. P. 3–20.
17. Мур Дж. Э. Доказательство внешнего мира / сост., вступит. ст. и коммент. А. Ф. Грязнова // Аналитическая философия: избранные тексты. М.: МГУ, 1993. С. 66–84. ISBN 5-211-02147-9.
18. Devitt M. *Realism and Truth*. Princeton: Princeton University Press, 1997. 372 p.
19. Rorty R. *Nineteenth-Century Idealism and Twentieth-Century Textualism* // Consequences of Pragmatism (Essays: 1972–1980). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. P. 139–159.
20. Гудмен Н. Способы создания миров / пер. с англ. М. В. Лебедева // Факт, фантазия и предсказание. Способы создания миров: ст. М.: Праксис, 2001. С. 115–256. ISBN 5-901574-04-4.
21. Carnap R. *The Methodological Character of theoretical Concepts* / R. Carnap // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Vol. 1. The Foundations of Science and Concepts of Psychology and Psychoanalysis / H. Feigl, M. Scriven (eds.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. P. 38–76.
22. Гудмен Н. Факт, фантазия и предсказание / пер. с англ. М. В. Лебедева // Факт, фантазия и предсказание. Способы

создания миров: ст. М.: Праксис, 2001. С. 9–114. ISBN 5-901574-04-4.

23. Davidson D. *The Second Person* // Midwest Studies In Philosophy. 1992. Vol. 17, № 1. P. 255–267. DOI 10.1111/j.1475-4975.1992.tb00154.x.

24. Lavine T. Z. *America and the Contestations of Modernity: Bentley, Dewey, Rorty* // Rorty and Pragmatism: The Philosopher Responds to His Critics / H. J. Saatkamp (ed.). Nashville: Vanderbilt University Press, 1995. P. 37–49.

25. Gouinlock J. *What Is the Legacy of Instrumentalism? Rorty's Interpretation of Dewey* // Rorty and Pragmatism: The Philosopher Responds to His Critics / H. J. Saatkamp (ed.). Nashville: Vanderbilt University Press, 1995. P. 72–90.

26. Haak S. *Vulgar Pragmatism: An Unedifying Prospect* // Rorty and Pragmatism: The Philosopher Responds to His Critics / H. J. Saatkamp (ed.). Nashville: Vanderbilt University Press, 1995. P. 126–147.

27. Farrell F. B. *Rorty and Antirealism* // Rorty and Pragmatism: The Philosopher Responds to His Critics / H. J. Saatkamp (ed.). Nashville: Vanderbilt University Press, 1995. P. 154–188.

28. Rorty R. *Philosophy As Science, As Metaphor, and As Politics* // Philosophical Papers. Vol. 2. Essays on Heidegger and Others. Cambridge: Cambridge University press, 1991. P. 9–21.

29. Rorty R. *Unfamiliar Noises: Hesse and Davidson on Metaphor* // Philosophical Papers. Vol. 1. Objectivity, Relativism, and Truth. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 162–172.

30. Frye N. *Anatomy of Criticism*. Princeton: Princeton University Press, 2000. 384 p.

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и социальные коммуникации».

Адрес для переписки: A_V_Nehaev@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 18.04.2017 г.

© А. В. Нехаев